
ВЛАСТЬ И БИЗНЕС В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ВЕКТОР НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ОТНОШЕНИЙ

Н.Д. Шуленина, Д.А. Ваяс

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу текущих трендов развития отношений между государством и бизнесом в регионах России. Рассматриваются современные тренды отношений между бизнесом и властью в регионах России со сменой приоритетов и форматов возможного взаимодействия.

Ключевые слова: бизнес и государство, государственно-частное партнерство, коррупция, органы государственной власти, деловые объединения.

Проводимая в России комплексная модернизация системы государственного управления страны, административная реформа послужили импульсом для повышения интереса к различным формам взаимодействия власти и бизнеса. В рамках реформы наметился переход от традиционного (бюрократического) типа политики к современной модели (1), непосредственно связанной с разработкой концепции нового государственного управления (*new public management*), идеи которой широко используются правительствами различных стран мира при осуществлении административных реформ. Это отражает общую тенденцию на обновление всей системы государственного устройства и модернизации институтов политической власти и государственного администрирования (2) как реакции на новые потребности и вызовы современности.

Систематическое обновление функций и организационных структур в государственном управлении, использование современных методов менеджмента и информационных технологий являются объективной закономерностью.

В соответствии с этой тенденцией на место консервативной стабильности приходит динамическая стабильность, связанная с тем, что модернизация и совершенствование государственного аппарата становится постоянной функцией и одной из основных задач правительства, что требует формирования эффективной административно-правовой политики.

Если рассмотреть современную ситуацию в России, то приходится признать, что на данный момент в стране отсутствует целостная административная политика, которая заменяется отдельными программами реформирования судебной системы, госслужбы, местного самоуправления и т.д.

Устройство власти в регионах в настоящее время является достаточно однообразным, но пока не унифицированным. Модели исполнительной и законодательной власти во всех регионах отличаются друг от друга лишь деталями. При этом вариативность устройства максимальна в муниципальной власти, средняя в региональной законодательной власти и минимальная в региональной исполнительной власти.

Региональная политическая элита также претерпела стандартизацию и стала более однородна и унифицирована.

После отмены системы губернаторских выборов сущность федеративного устройства государства несколько изменилась. Губернатор теперь выступает не как полноценный глава региона, а больше как глава исполнительной власти или государственный менеджер по управлению вверенными ему территориями [6. С. 7].

С политологической точки зрения можно отметить тот факт, что в отношениях центра и субъектов РФ появилась новая система сдержек и противовесов, которая отражает и федеральный, и региональный балансы сил. Некогда замкнутая региональная система была взломана федеральными вертикалями, и с каждым годом все ярче становятся видны черты унитарного централизованного государства.

Утрата прежней самостоятельности губернаторами в целом сказалась позитивно на уровнях ниже, т.к. муниципальные образования стали удостаиваться большего внимания и контроля со стороны глав регионов. Особенно стоит отметить цикл конфликтов в разных регионах России (Иркутская, Тверская, Московская области) между губернаторами и мэрами региональных центров.

Отношения между властью и бизнесом также прошли через ряд различных этапов. Первая фаза, которая прошла в начале 1990-х гг., характеризуется формированием на базе старой советской власти и хозяйства новой российской власти и бизнеса. Вторая фаза характеризуется прорастанием власти в бизнес, а бизнеса во власть. Третьей фазой должно стать взаимодействие, построенное на принципах государственно-частного партнерства, которое будет решать актуальные инфраструктурные задачи на местах в интересах всего общества.

Динамику последних лет можно определить как трансформирование модели «бизнес как власть» в модель «власть как бизнес».

Для последней модели характерен подход к стране как корпорации, в которой есть отраслевые и территориальные отделы. Также в этой модели широко используются менеджеры. Капитаны бизнеса состоят в совете директоров этой корпорации, но по факту управляет ей власть.

При этом сама власть не является единой и однородной. Для текущей власти характерна в основном акционерная модель. Непрерывающаяся конкуренция политических кланов и групп во власти, изменение политического баланса сил имеют следствием изменения в бизнесе. В этой системе возможно политическое рейдерство, но динамика в целом описывается скорее моделью игры с нулевой суммой между акционерами довольно закрытой корпорации, чем моделью «победитель получает все» [15. Р. 40].

Если крупный бизнес ведет свои диалоги с властью чаще напрямую, используя все свои лоббистские возможности на федеральном уровне, то средний бизнес использует существующие, но не всегда приспособленные для него площадки, которые находятся либо под контролем опять же самой власти либо крупного бизнеса. Здесь мы говорим о союзах промышленников и предпринимателей, «Деловой России», «Опоре России», «Ассоциации менеджеров» и торгово-промышленных палатах. Если раньше роль подобного канала также играли некоторые политиче-

ские партии (СПС, «Справедливая Россия» и др.), то теперь основная роль отводится фракциям и неформальным группировкам внутри «Единой России».

Зависимость бизнеса от власти, которая может как казнить (его или, наоборот, конкурента), так и миловать, заставляет представителей бизнеса не просто выстраивать эшелонированные отношения с властью, но также активно участвовать в политической жизни регионов, где у них имеются интересы.

Представители частного сектора как минимум изучают ситуацию в регионе, собирают детальную информацию о взаимоотношениях властных групп между собой, активно проводят работы в информационном поле, стараются оказывать влияние на общественно-политическую жизнь. На следующей стадии бизнес начинает финансировать те или иные группы в регионе и их проекты, вступая в союзы с губернаторами и другими представителями регионального истеблишмента, в том числе и за счет налаживания «династических браков», когда представители бизнеса вступают в органы власти, а представители власти или их родственники входят в бизнес-структуры.

И также имеется самая высокая степень участия бизнеса во власти — это когда бизнес сам формирует властные команды и проводит на посты глав регионов своих представителей.

Сначала такими были крупные бизнес-менеджеры. Это Александр Хлопонин (генеральный директор «Норильского никеля», губернатор сначала Таймырского АО в 2001—2002 гг., потом Красноярского края 2002—2010 гг., после полпред Северо-Кавказского федерального округа), Дмитрий Зеленин («Интеррос», губернатор Тверской области с 2003 по 2011 гг.), Борис Золотарев (ЮКОС, губернатор Эвенкии с 2001 по 2006 гг.). Из губернаторов — владельцев собственного бизнеса наиболее известен Роман Абрамович (губернатор Чукотки в 2000—2008 гг., с 2008 г. спикер Чукотской окружной думы).

Когда губернаторов избирали напрямую, то обеспечение кампаний (связи, деньги, технологии) — все шло через бизнес-структуры. С переходом на новую модель назначения губернаторов из центра роль бизнеса изменилась, но не сильно уменьшилась. Единственное изменение — это уменьшение роли относительно самостоятельного регионального бизнеса и увеличение роли федерального, лоббирующего своих кандидатов. Различаться стали также способы возврата денег, вложенных в политические проекты и «своих» губернаторов.

Рекрутирование представителей бизнеса во власть происходит по разным каналам. Это может быть как самостоятельный переход или поддержка бизнесом посредством выборов в региональную власть (сейчас только представительную), так и муниципальную (и исполнительную, и представительную).

Сейчас уже можно констатировать, что эпоха губернаторов-одиночек прошла. И Кремль при выборе новых губернаторов опирается больше на команды, чем на персоналии, и продвигает либо людей корпораций, за которыми, как правило, стоит государство, либо тех, за кем имеется поддержка крупного бизнеса.

Таким образом решается вопрос не только состава членов команды нового губернатора, но и проблема ответственности за управляемый регион, т.к. она становится корпоративно-коллективной.

Прошла эпоха яркой индивидуальности регионального бизнеса. Большинство крупных региональных компаний сейчас входит в сферу влияния либо крупных национальных финансово-промышленных групп, либо транснационального капитала.

Региональные лидеры в такой схеме имеют гораздо меньшее влияние на механизм принятия решений.

Несколько особняком стоят национальные республики, т.к. сохраняются элементы относительной замкнутости и, соответственно, автономности и в политическом, и в экономическом пространстве.

Власть в отношениях с бизнесом в настоящее время практикует две модели взаимоотношений: 1) «оброк» — плата за вход в регион и нахождение там, сбор средств на разные фонды и конкретные проекты; 2) «барщина» — строительство дорог, социальной инфраструктуры, культурно-спортивных центров, благоустройство территорий и пр. Такие более простые бартерные схемы нивелируют потери, связанные с коррупцией. В этом смысле «барщина» является лучшим механизмом взаимодействия как для регионального сообщества, так и для власти в целом. Собственно «барщиной» являются все договоры о социальном партнерстве, которые получили широкое распространение в современной России.

Как рабочая альтернатива разного рода фондам договоры о социальном партнерстве являются весьма полезным инструментом решения ряда социальных вопросов. Но есть определенные минусы, например, кулуарный характер определения списка социальных нужд, из которого компании выбирают, какие проекты им по плечу. К тому же это своего рода социальная игла, на которую «подсаживается» региональная власть.

Отличным барометром взаимоотношений между властью и крупным бизнесом является компания ИКЕА, которая за время работы в России вложила в бизнес более 5 млрд долларов.

При каждом новом открытии магазина компания всякий раз сталкивается с разными трудностями, которые различаются как по характеру, так и по масштабу. Во время открытия магазина в Химках была проблема с парковкой, которая в любой момент могла взлететь на воздух, т.к. рядом находился газопровод. А в Екатеринбурге ИКЕА на протяжении нескольких лет не приступала к строительству, т.к. компания отказывалась участвовать в фондах развития города. «Входной билет» чиновники оценивали в 25 млн долларов. С самого первого дня шведская компания заявила о своем противостоянии коррупции, однако чтобы открыть свой первый магазин в Москве ИКЕА пришлось сделать спонсорский взнос в районе одного миллиона долларов в социальные проекты подмосковных властей.

Роль механизма непосредственного взаимодействия бизнеса как корпорации и власти как корпорации на местах выполняют союзы промышленников и предпринимателей (объединения работодателей), которые входят в РСПП.

Центральное РСПП претерпело значительную эволюцию за время своего существования. В 1991 г. РСПП был создан крупным бизнесом и выполнял функцию коллективного давления на власть. Это был своего рода профсоюз олигархов, ко-

торый постепенно видоизменился в клуб по интересам, послушный воле власти и зависимый от нее.

Неким водоразделом послужило дело «ЮКОСа» и смена главы РСПП с Аркадия Вольского на Александра Шохина. Ежегодные встречи с Президентом РФ сохранились, но изменился их формат, состав участников, и тон задает на них сейчас власть. «Раньше бизнесмены приходили к Путину просить и жаловаться, а сейчас докладывают президенту о том, что они сами могут предложить государству» [11].

В регионах организованность бизнес-сообщества выглядит довольно пестро. Место и роль СПП в каждом регионе сильно отличается. Там, где есть один-два доминирующих игрока, им проще решать все свои проблемы с властью на индивидуальной основе. Там же, где явных доминирующих игроков нет, СПП выглядят намного мощнее.

Также важно обращать внимание на то, кто возглавляет СПП в регионах. Это могут быть как представители крупного бизнеса — руководители ведущих инфраструктурных предприятий, так и представители региональных администраций. СПП, руководители которых являются бизнес-тяжеловесами, являются весьма самостоятельными по отношению к региональным администрациям.

Таким образом, руководитель регионального СПП является прямым отражением ситуации во взаимоотношениях власти и бизнеса в регионе. Этот руководитель может относиться к одному из трех типов: директора, посредника и представителя власти.

Взаимоотношения власти и бизнеса реально продвинулись, в том числе и с точки зрения их институционализации. Бизнес играет все более активную роль, притом часто уже по собственному желанию принимая участие в жизни деловых объединений. Пришло понимание, что они помогают наладить диалог как внутри профессиональной сферы, так и между различными секторами экономики и общественной жизни.

Для нормального развития деловых объединений крайне необходима государственная поддержка. Однако господдержка не должна быть синонимом контроля. Власть должна способствовать развитию деловых объединений, но не вмешиваться в их работу [1].

Государство может установить для деловых объединений налоговые льготы, помогать в подготовке профессиональных управленческих кадров, привлекать деловые объединения к обсуждению готовящихся законопроектов, нормативных актов, развивать взаимоотношения между российскими и зарубежными деловыми объединениями.

В России потребность в сотрудничестве с деловыми объединениями в последнее время все более очевидна и для федеральных органов власти. Партнерство власти и бизнеса требуется по нескольким ключевым направлениям: образование, продвижение отечественной продукции на внутреннем и внешних рынках, а также участие бизнеса в экспертизе нормативно-правовых актов.

На политическом уровне государственно-частное партнерство рассматривается как один из важнейших инструментов модернизационного развития различ-

ных отраслей экономики и совместного решения задач государственного масштаба, хотя сама идея равноправного партнерства с частным бизнесом пока не овладела умами большинства представителей государственной власти.

В мировой практике используется два основных подхода к определению понятия «государственно-частное партнерство».

Широкая трактовка подразумевает под государственно-частным партнерством систему взаимоотношений государства и бизнеса, которая используется в качестве инструмента международного, национального, регионального, городского и муниципального развития.

В более узком смысле под государственно-частным партнерством понимаются конкретные проекты, реализуемые совместно государственными органами и частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности.

Большинство российских исследователей государственно-частного партнерства понимают под термином «государство» федеральные, региональные и муниципальные органы управления.

Однако ряд российских авторов считают использование термина «государство» не совсем удачным и предлагают рассматривать «государство» согласно терминологии Гражданского кодекса РФ применительно к субъектам гражданских правоотношений, то есть «публично-правовые образования»: «Термин „публично-правовые образования“ включает в себя не только Российскую Федерацию и ее субъекты (что и принято считать „государством“), но и муниципальные образования, которые к государству не относятся. Однако практика свидетельствует о том, что муниципальные образования также могут выступать в качестве субъекта ГЧП для реализации значимых местных проектов» [12]. Данное уточнение является важным в изучении государственно-частного партнерства как правовой категории и должно быть несомненно полезным в дальнейшем совершенствовании законодательной базы государственно-частного партнерства.

Меньше проблем возникает с пониманием слова «private», которым обозначается партнер, предоставляющий свои финансовые и иные ресурсы, а также услуги или товары с целью получения прибыли. Здесь подразумевается частный сектор как экономические структуры, которые не контролируются государством, например, частные фирмы и компании, корпорации, частные банки, неправительственные организации и т.п.

Следует отметить, что как и в зарубежных странах, так и в России иногда используется термин «частно-государственное партнерство», в котором подчеркивается приоритетная роль частного сектора в совместных с государством проектах. В своем исследовании я исхожу из ведущей роли государства и использую понятие «государственно-частное партнерство», исходя при этом из того, что:

- в современной российской практике государство является инициатором подавляющего большинства проектов государственно-частного партнерства;
- взаимоотношения государства и бизнеса строятся, как правило, по отношению к государственной и муниципальной собственности.

В международной и российской практике пока не сложилось единое мнение об определении понятия «государственно-частное партнерство». На сегодня можно констатировать, что практика развития и реализации проектов государственно-частного партнерства намного опережает ее теоретическое обоснование и рефлексию, что требует проведения дальнейших исследований данного явления не только как экономической, но и как политической, правовой и социальной категории.

В.В. Максимов группирует все множество существующих на сегодняшний день определений понятия «государственно-частное партнерство» по источникам их возникновения, а именно:

- а) авторитетные международные правительственные и финансовые институты;
- б) нормативные и законодательные акты РФ;
- с) научные институты и бизнес-сообщество России [8. С. 16].

Ниже рассмотрены изученные в ходе исследования определения государственно-частного партнерства, позволяющие раскрыть особенности государственно-частного партнерства как механизма политического процесса.

К первой группе (а) источников относятся такие международные институты, как Всемирный банк, Европейская комиссия, международные консалтинговые и аудиторские компании. Наиболее общее определение дает Всемирный банк: «Государственно-частное партнерство — это соглашения между публичной и частной сторонами по поводу производства и оказания инфраструктурных услуг, заключаемые с целью привлечения дополнительных инвестиций и, что еще более важно, как средство повышения эффективности бюджетного финансирования» [14. Р. 7]. Также Всемирным банком подчеркивается наличие партнерского стиля взаимодействия в проектах по созданию объектов инфраструктуры в отличие от взаимоотношений «заказчик—поставщик» [18].

Европейская комиссия определяет государственно-частное партнерство как «соглашение между двумя и более сторонами кооперировать усилия по достижению общих или совместных целей, при этом общими становятся ответственность, власть, ресурсы, риски и, в идеале, выгоды от реализуемого проекта» [17]. В отдельных странах Европейского Союза применяются свои определения государственно-частного партнерства.

Приведенные выше определения носят общий характер, не обозначая основные принципы каждой из сторон, а также не отражая отраслевые особенности.

В свою очередь, бизнесу важно иметь более конкретное определение государственно-частного партнерства. Так, одна из крупнейших международных консалтинговых компаний Deloitte отмечает, что государственно-частное партнерство представляет собой «контрактное соглашение между правительственным агентством и частной компанией, позволяющее последней увеличить ее участие в предоставлении общественных услуг» [13].

Рейтинговое агентство Standard&Poors определяет государственно-частное партнерство как «любые средне- или долгосрочные взаимоотношения между государственным и частным сектором, основанные на разделении рисков и доходов, объединении профессиональных знаний и совместном финансировании и служащие

достижению определенных политических результатов» [16]. Как видно, здесь отмечается политический интерес сторон, что является порой определяющей характеристикой развития проектов государственно-частного партнерства и в России.

Ко второй группе (b) источников возникновения определения «государственно-частное партнерство справедливо отнести законодательные акты ряда субъектов Российской Федерации. Пока экспертами обсуждается необходимость принятия отдельного федерального закона о государственно-частном партнерстве, а также внесение поправок в действующие федеральные нормативно-правовые акты, на уровне субъектов Российской Федерации продолжается активный процесс регионального нормотворчества, регулирующего участие соответствующего субъекта Российской Федерации в проектах государственно-частного партнерства.

Так, на сегодня более чем в 30 субъектах Российской Федерации действуют региональные законы об участии в государственно-частном партнерстве.

Первый региональный закон, посвященный государственно-частному партнерству, был принят в 2006 г. в Санкт-Петербурге: «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах».

В данном законе государственно-частное партнерство определяется как «взаимовыгодное сотрудничество Санкт-Петербурга с российским или иностранным юридическим или физическим лицом либо действующим без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) объединением юридических лиц в реализации социально значимых проектов, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений, в том числе концессионных» [4].

Далее, в 2008 г. были приняты ряд подобных законов в Республике Дагестан, Республике Алтай, Томской области и Республике Калмыкии. А в апреле 2009 г. Экспертным советом по законодательству о государственно-частном партнерстве при Комитете по экономической политике и предпринимательству Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации был рекомендован к принятию законодательными собраниями субъектов Российской Федерации региональный модельный закон «Об участии субъекта Российской Федерации, муниципального образования в проектах государственно-частного партнерства», в котором государственно-частное партнерство определено как «привлечение субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием российского или иностранного юридического лица либо объединения юридических лиц, либо индивидуальных предпринимателей для выполнения работ по техническому обслуживанию, эксплуатации, реконструкции, модернизации или новому строительству объектов общественной (социальной) инфраструктуры, предоставлению публичных услуг с их использованием на условиях разделения рисков, компетенций и ответственности, путем заключения и исполнения соглашения о государственно-частном партнерстве» (3).

Отмечу, что определения данной группы учитывают ожидания государственных органов субъекта Российской Федерации от такого партнерства, однако интересы частного сектора отражены слабо.

К третьей группе (с) источников возникновения определений государственно-частного партнерства отнесены определения, сформулированные представителями российского научного сообщества, а также представителями бизнеса. Приведу некоторые определения, которые широко используются сегодня как на практике, так и в научных дискуссиях по вопросам государственно-частного партнерства как элемента политической системы.

Государственно-частное партнерство как политико-правовой аспект рассмотрено М.В. Вилисовым: «...это правовой механизм согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в рамках реализации экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления» [2].

Е. Коровиным отмечается решение политических задач на основе объединения опыта и экспертизы нескольких секторов и разделения финансовых рисков и выгод в рамках государственно-частного партнерства как среднесрочного или долгосрочного сотрудничества между общественным и частным сектором [7].

В расширительной трактовке Е.А. Махортова и А.С. Семченкова также в качестве цели государственно-частного партнерства как «взаимовыгодного среднесрочного и долгосрочного сотрудничества между государством и бизнесом, реализуемого в различных формах (начиная от контрактов на выполнение работ, акционирования и заканчивая консультациями государства и бизнес-ассоциаций)» выделяется решение политических и общественно-значимых задач на национальном, региональном и местном уровнях [9].

Наиболее обобщенное определение государственно-частного партнерства дает авторский коллектив под руководством В.Г. Варнавского: «государственно-частное партнерство представляет собой юридически закрепленную форму взаимодействия (закон, контракт, устав компании) между государством и частным сектором в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями, в целях реализации общественно значимых проектов в широком спектре видов экономической деятельности» [3. С. 18].

Необходимо признать, что в изучении государственно-частного партнерства в России превалирует сугубо экономический подход, в российской науке пока это абсолютно экономическая категория. Тем актуальнее становится необходимость определения государственно-частного партнерства как механизма политического процесса, так как в современных российских условиях влияние политических факторов является порой определяющим в решении о реализации проектов государственно-частного партнерства.

В современной России именно государственно-частное партнерство может стать реально функционирующим механизмом удовлетворения интересов и потребностей каждого из субъектов партнерства. За счет реализации крупных инфраструктурных проектов удовлетворяются общественные потребности в виде получения услуг на выплаченные налоги. Государство за счет участия в партнерстве укрепляет общую политическую и экономическую стабильность, а бизнес привлекает стабильную прибыль при высоких гарантиях государственного патронажа. Данная максима может быть достигнута в случае проведения взвешенной госу-

дарственной экономической политики с привлечением максимально возможно количества субъектов к процедуре согласования и участия в реализации проектов государственно-частного партнерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Современный тип политики в отличие от традиционного типа ориентируется на дифференцированные потребности граждан и на стратегическое развитие, характеризуется высокой степенью открытости и прозрачности, а также ориентацией на качество и результат.
- [2] Государственное администрирование — деятельность органов исполнительной власти по разработке и осуществлению государственной политики в пределах их полномочий, закрепленных, как правило, в специальных законодательных и нормативных документах.
- [3] Модельный закон субъекта Российской Федерации «Об участии субъекта Российской Федерации, муниципального образования в проектах государственно-частного партнерства» разработан Экспертным советом по законодательству о государственно-частном партнерстве Комитета по экономической политике и предпринимательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [5].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аузан А.* Общественный договор: взгляд из 2009 г.: Лекция. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/05/25>
- [2] *Вилисов М.В.* Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // *Власть*. — 2006. — № 7.
- [3] Государственно-частное партнерство: теория и практика / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
- [4] Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 г. № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах». URL: <http://dosc.kodeks.ru/document/8442332>
- [5] Законопроект: «Об участии субъекта Российской Федерации, муниципального образования в проектах государственно-частного партнерства». URL: <http://ppp-lawrussia.ru/fzd/mod-zak.htm>
- [6] *Зубаревич Н.* Социально-политическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // *SPERO*. — 2008. — № 9.
- [7] *Коровин Е.* Кредитный риск проектов частно-государственного партнерства и механизмы поддержки. — Выступление на круглом столе «Федеральные инструменты поддержки инвесторов», 10 октября 2006 г.
- [8] *Максимов В.В.* Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре: критерии оценки концессионных конкурсов. — М.: Альпина Паблишерз, 2010.
- [9] *Махортов Е.А., Семченков А.С.* Государственно-частное партнерство как форма отношений власти и бизнеса в России // Российский профессиональный портал о лоббизме и GR. 25 января 2008 г. URL: http://lobbying.ru/content/sections/articleid_2359_linkid_16.html
- [10] Модельный закон субъекта Российской Федерации «Об участии субъекта Российской Федерации, муниципального образования в проектах государственно-частного партнерства» / Разработан Экспертным советом по законодательству о государственно-частном партнерстве Комитета по экономической политике предпринимательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://smsr-senclub.ru/items/24844>
- [11] *Финансовые известия*. — 29 марта. — 2006.

- [12] *Царев Д., Иванюк А.* Государственно-частное партнерство: правовой аспект // Финансовая газета. — 2009. — № 17.
- [13] Closing the Infrastructure Gap: The Role of Public-Private Partnerships. A Deloitte Research Study. — 2006.
- [14] *Delmon J.* Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, PPP Projects and Risk. The World Bank and Kluwer Law International. — 2009.
- [15] *Gel'man V., Lankina T.* Authoritarian Versus Democratic Diffusion: Explaining Institutional Choices in Russia's Local Government // Post Soviet Affairs. — 2008. — Vol. 24. — № 1.
- [16] Global Project Finance Yearbook 2007. — Standard&Poor's by The McGraw-Hill Companies, Inc, 2006.
- [17] Guidelines for Successful Public-Private Partnerships. — European Commission, 2003.
- [18] World Bank Group Private Sector Development Strategy Implementation Progress Report. — Washington, D.C., 2003.

GOVERNMENT AND BUSINESS IN THE RUSSIAN REGIONS: NEW VECTOR FOR THE MODERNIZATION OF RELATIONS

N.D. Shulenina, D.A. Vajas

The Department of Political Science
Russian People's Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article analyzes current trends in the development of relations between government and business in Russia's regions. It also reviews current trends in relations between business and government in the Russian regions, changes of priorities and formats of potential interactions.

Key words: business and government, public-private partnership, national project, corruption, public authorities, business associations.